

ЛИТОБОЗ

Москва, Космополит, 1996 - 20 авг. - с.3

ИДЕОЛУХИ И ПУШКИН

Годовщина одного стихотворения

Слишком долго прожила Россия под гнетом единственной и самой "верной" марксистско-ленинской идеологии. Мозги ее искривились. Вот она все и не отдышится. Отвыкнув от идеологии ну никак не могут политики, думцы, генералы и прочие "экономисты". Со всех трибун — демократических, коммунистических, как бы патриотических вещают брадатые и бритые мужи об особой миссии России, о ее третьем или четвертом пути, о ее настолько особой духовности, что всему миру только подавиться от зависти. Весь этот бред о духовной исключительности и неповторимости закончился внеконституционным призывом к созданию единой государственной идеологии. Причем в ударные сроки — в течение года.

А ведь и в самом деле, как это прекрасно — единая идеология! Вот выработаем ее, уважаемые господа, и двинемся верной столбовой дорогой к высотам развитого капитализма... А кому не по душе — придется или смириться или, возможно, отбыть на перевоспитание. Идеология-то единая, государственная. Как говорится — иного не дано.

Между тем истинная государственная идеология России давно существует. Хотя и не принятая официально. Это идеология жизни свободного человека. С необычайной ясно-

ление опередило время на столетие. Поэт, понимая это, сознавал, что никакая цензура не пропустила бы эти строки в печать под его именем. Он накинул маску на явленное ему из будущего откровение. Решив представить стихотворение как перевод, он примерил к нему имя французского Альфреда Мюссе. Но тот был известен просвещенной публике — цензура могла уличить Пушкина в "подлоге". Тогда он воспользовался экзотическим итальянским именем: "Из Пиндемонти". Таким оно пришло к нам навсегда:

стью она была воплощена в стихах сто шестьдесят лет тому назад.

Именно тогда, летом 1836 года, Александр Сергеевич Пушкин написал свое гениальное стихотворение "Из Пиндемонти". Одни его знают, другие даже не вспоминают. Как оказалось, эти стихи стали духовным завещанием поэта:

Не дорого ценю я громкие слова,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать
налоги,
Или мешать царям друг с другом
воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет
балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.

Много лет Пушкин подступался к этой теме. В прозе, в письмах... Как жить среди людей, как жить в обществе, как отстоять свою правоту, свою личность. Пронзительно прозвучали его горькие мысли в знаменитом письме к брату. А было это в 1822 году. Поэт еще молод, но умудрен житейски. Он предостерегает брата от излишней доверчивости к миру, учит его обуздывать сердечное расположение, не поддаваться иллюзиям дружбы. Он предлагает брату правила существования в обществе. Эти правила могут "избавить... от дней тоски и бешенства". Интересно, что письмо это было написано по-французски. Опыт Пушкина — опыт поэта. Часть его. Оказывается, трезвый цинизм предполагает и романтические представления. В стихотворении "Из Пиндемонти" прорвалась пронзительная тоска Пушкина о той идеальной жизни, где может процветать человек частный — от государства независимый.

Это современные стихи. Благодаря им понимаешь Гоголя, который воскликнул, что Пушкин — это русский человек в его развитии через двести лет. Двести лет скоро минуют. А как с утверждением Гоголя? Насколько продвинулся россиянин к пушкинскому пониманию жизни? Смог ли воплотить в своей душе пушкинскую философию жизни? На эти вопросы лучше не отвечать. Очень это печально. Сам Пушкин понимал:

Иные, лучшие, мне дороги права,
Иная, лучшая, потребна мне свобода.

Как вырвались у поэта его поразительные признания? Сто шестьдесят лет назад они были просто невысказанными. Само их появ-

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для лив-
реи

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! Вот права...

Вот завет свободного человека, добавим мы. Здесь Пушкин осуществил свою триаду. Вы помните: "На свете счастья нет, но есть покой и воля..." К воле и покою прибавилась возможность счастья. Это великое открытие. Оно сегодня остается почти невозможным. И все-таки...

Здесь определен истинный символ веры и уже воплощенная в двух десятках строк государственная идеология XXI века: **свободная жизнь частного человека**. Россияне еще не восприняли ее.

Но возникает страшный вопрос: а могут ли сегодня воспринять эти слова наши бедные соотечественники, ходом истории лишенные всяческой духовной жизни, собственной внутренней сущности? Самое страшное, что получающие свободу в ней не нуждаются. У них нет ничего своего, они готовы жить чужими страстями, заполняя душу непонятными самим лозунгами тех или этих партий. Они сами еще не способны жить по-человечески...

А те, кто будет придумывать для них единую государственную идеологию? Свободны ли они сами настолько, чтоб научить свой народ свободе? Скорее всего, сами они внутренне настолько закрепощены, что способны придумать лишь очередную клетку, куда так удобно загнать всех и каждого, чтобы не пикнуть никому. Так может возникнуть очередная идеология для олухов. Окрестим их идеолухами. И тех, кто мыслит сегодня об этом, и тех, для кого... До тех пор пока избранные так называемым народом так называемые избранные этого не понимают, они ничего нового нам не предложат. Кроме очередной идеологии государственного рабства, возмещаемого со всех мыслимых и немыслимых трибун.

Ну а что же Пушкин, спросите вы, опять он во всем виноват?

А Пушкин так и останется той недостижимой линией горизонта, которая все дальше удаляется по мере приближения к ней...

Сергей МНАЦКАНЯН.